

Чупина Г.А., Шерпаев В.И.

**УЛУТТУК, ИДЕНТИВДҮҮЛҮК «КОЛЛЕКТИВДҮҮ ИНСАНДЫН»
ФУНКЦИЯСЫ КАТАРЫ**

Чупина Г.А., Шерпаев В.И.

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФУНКЦИЯ
«КОЛЛЕКТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ»**

G.A. Chupina, V.I. Sherpaev

**NATIONAL IDENTITY AS A FUNCTION OF
«COLLECTIVE IDENTITY»**

УДК: 159.9/13

Бул макалада этномаданий көрсөткүчтөр боюнча улуттук окшоштук параметрлери көрсөтүлгөн.

Кезгизги сөздөр: улуттук окшоштук, маданият, инсан, аң-сезим, улут, тил, салт.

В данной статье раскрываются параметры национальной идентичности по этнокультурным ориентирам.

Ключевые слова: национальная идентичность, культура, личность, сознание, нация, язык, обычаи.

This article reveals national identity settings for ethno-cultural landmarks.

Key words: national identity, culture, identity, consciousness, nation, language and custom.

Итак, по отношению к индивиду нация как «коллективная личность» может быть развернута в систему ценностных ориентаций, которая определяет формирование этнической, культурно-исторической, государственно-политической, национально-идеологической самоидентичности индивида (его «коллективного Я»). В структурном плане это представляет собой многообразные *диспозиции (ценностные установки)*, определяющие отношение индивида к «другим» (людям, этносам, миру). За теоретическую основу такой схемы примем *диспозиционную концепцию личности* В.А.Ядова, откуда можно вывести следующую структуру ценностных ориентаций (диспозиций): «*ядро*» (базовые, исторически сложившиеся ценности), «*защитный пояс*» (ценностная опора в повседневном бытии); *периферия* (ситуативные ценности) [1]. Посмотрим, как это «работает» при анализе нашей идентификационной матрицы.

Ядро – это наиболее древняя и потому особенно устойчивая часть ценностных ориентаций коллективной личности: этнических, культурно-исторических, конфессиональных. Обобщим их в концепте «*этнокультурная ориентация*» нации. Различные ее аспекты исследовали: Э.Дюркгейм (понятие «коллективных представлений», «коллективного сознания»); В. Вундт (учение о «духе народа»), теоретики психоанализа (З.Фрейд, К.Юнг: концепция коллективного бессознательного как наследия предков, сохраняющегося в памяти этноса в форме символов и архетипов) и т.д. Некоторые авторы, в том числе отечественные, склонны разделять и противопоставлять этническое и национальное, полагая, что у этноса и нации разные корни и механизмы образования. Дру-

гие же, и их большинство, рассматривают этничность как *предпосылку* становления нации, по формуле «нация – развитая стадия этноса». С этничностью связаны «*корни*», «*кровь*», «*почва*», «*телесность*», нации. М.Вебер утверждал, что в основе национальной общности лежит «чувство этничности», которое вырастает из исторических «корней»: происхождение, язык, формы «общественного действия». Близкие мысли находим у Н.Бердяева, И.Лосского, И.Ильина. Так, Н.А.Бердяев, писал: «Нация есть динамическая субстанция..., она корнями своими вращается в таинственную глубину жизни... Национальность – сложное историческое образование, она формируется в результате кровного смешения рас и племен, многих перераспределений земель, с которыми она связывает свою судьбу, и духовно-культурного процесса, создающего ее неповторимый духовный лик» [2].

В процессе исторической динамики такие признаки этноса, как территориальное, кровнородственное, хозяйственное единство, постепенно слабеют и на первый план выходят собственно культурные факторы: *язык, обычаи, традиции, нормы, верования*, образующие определенную этнокультурную целостность *Мы*, которая противостоит *не-Мы* (среде, другим этносам). В этнокультурной идентичности заложено стремление этноса «*стать*», *превратить себя из природно-биологического объекта в субъекта истории и культуры*, «из творимого материала – в творящее начало» (А.Н. Кокотов). По-видимому, именно это стремление Л.Н. Гумилев и называл «*пассионарностью*».

В ходе истории оно откладывается в различных видах *памяти этноса*: этнической, культурной, социальной, конфессиональной [3]. Выражаясь современным языком, память – это *код, система знаков и символов*, обеспечивающая запись наследственной информации. Задача исторической памяти в том, чтобы осуществлять *связь поколений*, и значит, *непрерывность* исторического развития этноса. В ее знаках и символах информация не только хранится, но и передается из поколения в поколение (от предков – к потомкам). Таким образом, это, по сути, *культурно-генетический код* нации, который выполняет функцию *коммуникации*, общения и взаимопонимания внутри коллективного «Я». Идею культур-

но-генетического кода одним из первых обосновал П.А. Сорокин.

Код – система знаков, значений и правил, которая позволяет сворачивать (*кодировать*) информацию и развертывать ее (*декодировать*), т.е. переходить от «плана выражения» к «плану содержания», от внешнего – к внутреннему, от «чужого» – к «своему»: так осуществляется понимание значений и присвоение смыслов. Принцип кодирования особенно важен в культуре, первоначально связанной с *культотом, таинством, священнодействием*, в которых участвовали «свои», посвященные. Посредством кодирования в различных знаковых формах – *словах, жестках, символах, священных формулах и действиях* – сохранялись и передавались *сакральные смыслы*. Культурные смыслы способствуют окультуриванию, возвышению человеческой жизни. Осмысляя жизнь посредством культурно-генетических кодов, человек определяет границы своей свободной воли, стихийных проявлений человеческой активности, что гуманизирует его бытие. В нормах культуры индивид слышит «Глас Божий», говорил М.Хайдеггер. Сказанное позволяет усмотреть сущность «ядра» коллективной личности именно в особенностях ее «культурно-генетического кода» (КГК), т.е. свойственной этносу системы знаков и символов, которая определяет *неповторимую индивидуальность и целостность Я (Мы)* в отличие от *Других*. Антропоморфными проявлениями его выступают такие феномены как «национальный характер», и «национальный менталитет».

Темы «национального характера» и «национального менталитета» относительно слабо исследованы в нашей литературе: она немногочисленна и к тому же разноречива [4]. Национальный характер часто связывают с психологическими особенностями, присущими всем или большинству представителей данной нации, а менталитет – с особенностями мышления и поведения представителей этноса или с той системой ценностей, которая их определяет. Тем самым обычно преобладает *этнопсихологический подход*. Недостатки его были подвергнуты критике, в частности, П.А. Сорокиным [5] за то, что его выводы носят описательный, заведомо комбинаторный и недостаточно репрезентативный характер; отсутствуют надежные критерии для определения феноменов данного национального характера (менталитета).

Особняком в указанном массиве исследований стоит концепция Г.Д.Гачева, где этнокультурная идентичность характеризуется формулой «*Космо-Психо-Логос*» [6]. Этнокультурный подход Г.Д. Гачева опирается, во-первых, на триаду «*телесность – душа – дух*», развитую русской философской традицией (В.Соловьев, Н.Бердяев, П.Флоренский), а, во-вторых, на идею П.Сорокина о том, что культура – это *код, матрица* цивилизационно-исторического развития народов и наций. Согласно Г.Д. Гачеву, этнос «вырастает» из природного мира («Космос») и преодолевает его стихийность («снятие» – по Гегелю) в душе («Психея»), а затем в духе («Логос»).

В национальном характере («душе» этноса) этническая общность переживает собственную *уникальность и включенность* в бытие *Других* (природа, иные этносы); в менталитете («духе» этноса) формируется *национальная картина мира*, которую этнос строит на основе своего культурно-генетического кода («языка» своей культуры).

Обобщая, можно согласиться с авторами [7], развивающими этнокультурный подход к понятиям «национальный характер» и «национальный менталитет», в том, что первое обозначает «*системный механизм адаптации народа* к природным и социальным условиям своего существования» («*среде, не-Мы*»); второе – *мировоззренческую картину мира*, формирующуюся на уровне донаучного, обыденного сознания. Так, одной из отличительных черт русского этнического характера является способность *выживать в нечеловеческих условиях, выдерживать сверхъестественные напряжения, мобилизовывать силы* в години бедствий, проявляя свой традиционный *коллективизм*. В российской ментальности как способе осмысления и понимания мира особую роль играют *православнохристианские образы-символы*: Бог-отец, Богородица, Троица, Спасение, Второе Пришествие и др., опираясь на которые человек столетиями организовывал свое повседневное житье-бытье, свершал свой жизненный путь. Итак, на уровне этнокультурной идентичности складывается то, что можно назвать *коллективной солидарностью этноса*, который сохраняет и защищает свою целостность, свое национальное бытие (от *не-Мы*). Ценности, которые ее образуют, имеют для индивида значение *национальных святынь*. Однако, подчеркнем, это идентификация, которая осуществляется *через прошлое* (заветы предков, паттерны культуры). Чтобы выявить идентичность, определяемую условиями *настоящего*, необходимо выйти на следующий уровень «идентификационной матрицы».

Защитный пояс. Так образно можно обозначить форму *государственно-политической идентичности личности и этноса*. Государство приходит на смену родоплеменной организации общества как центральный институт *власти* и концентрированное воплощение новой сферы общественной жизни – *политики*, сферы управления, регуляции общественных отношений. Хотя ранние формы государственно-политической идентичности появились ещё в эпоху Античности, вместе с возникновением греческих городов-полисов и республиканских форм управления в Древнем Риме (связанных с отношениями демократии, гражданства, частной собственности), своей развитой стадии она достигает в эпоху капитализма. Первые буржуазные революции в Европе, а затем в Америке (Война за Независимость североамериканских штатов), разрушив феодально-сословный строй, превратили крестьян-землевладельцев в «лично-свободных», но безземельных и бесправных людей, словно бы утративших историческую и этническую память. Отныне человек остается один на один с властью, которая уже обращается не к общине или сословию, а к личности. Чтобы получить ее

лояльность, буржуазное государство делает упор на принцип *всеобщего гражданства*, ценности *прав, обязанностей, автономии личности*, что формирует новую групповую общность, которую отныне и называют «*нацией*». Суть государственно-политической идентичности – в утверждении *лояльности человека по отношению к государству и существующему общественно-политическому строю*, а внешним выражением ее становится *гражданская позиция личности, отстаивающей свою свободу, независимость, права от Других*, от произвола власти. Указанные принципы и ценности становятся своего рода «*защитным поясом*» человека в мире всеобщего чистогана, в «войне всех против всех».

Разумеется, социально-политическая идентичность существенно отличается от этнической. Если этнокультурная вызревает в рамках «*естественных общностей*», заданных как бы самой природой (род, племя, народ), то государственно-политическая – изначально конструируется «*гражданским обществом*». Внутренние регуляторы этноса – *обычай, традиция*. На уровне общности, которая именует себя нацией, формируется *право* как система общеобязательных норм, закрепленных в особых документах и реализующихся через властное правосудие. Основная связка, которая цементирует этническую идентичность, *Мы – не-Мы* (природа, другие этносы). Иное – государственно-политическая (гражданская) идентичность: ее выражает формула *Я-Другие*. Здесь *Другие* – это те самые «все», кому противостоит индивид *Я* в «войне всех против всех», то есть в конкуренции за жизненные блага и права.

Постепенно этнос и нация словно бы «разводятся» по разным системам координат: с этносом начинают связывать культурную идентичность, с нацией – государственно-политическую [8]. Между тем, это два уровня самоорганизации общества, когда на первом преобладают «короткие» (кровнородственные) отношения между людьми, опосредуемые формами культуры, а на втором – «длинные» (гражданские), опосредуемые государством и его институтами [9]. Противоречия между этническим и политическим структурированием общества, и соответственно, между разными уровнями идентичности в эпоху нацистроительства породили различные формы национально-освободительных движений и разные типы и формы национализма, о чем далее.

Пока же отметим, что показателем как личностной, так и групповой государственно-политической идентичности является *суверенитет*. Понятие «суверенитет» (от лат. суверен, властелин), означает *независимое* от каких-либо внешних сил *верховенство*. Первоначально это предполагало единовластие верховного феодального правителя (суверена), затем – власть государства, а в эпоху Нового времени, вместе со становлением национальной государственности, стало выражать идею *независимости страны и ее народа (нации)* от внешних сил и влияний. Суть идеи суверенитета – в соединении двух начал: *права и свободы*. В процессе борьбы с единоличной властью, а также борьбы за ограничение всевластия в

пользу народа и личности понятие «суверенитет» стало означать и независимость наделенного правами и свободами народа (нации), и независимость личности от подавления ее прав и свобод (концепция «прав человека и гражданина»), и наконец, независимость самого права (законов и лиц, их отправляющих). Это закрепилось формами политической демократии, регулирующими суверенные прерогативы различных субъектов не только внутри страны, но и в международном пространстве.

Для целей нашей работы важно подчеркнуть, что принцип суверенитета создает предпосылку для *единения (идентификации)* личности с определенной суверенной национальной общностью. При этом общественная значимость личности как бы сопоставляется со значимостью нации и государства. Основу единения составляют такие ценности-цели (интересы), как понятия *Отечества (Родины)*, ее *целостность*, территориальная *неприкосновенность, безопасность* ее граждан, сохранение культурной *самобытности* и др. Поднимаясь до осознания общенациональных ценностей и интересов (идентифицируясь с ними), личность укрепляется в своем настоящем, современном бытии как социально ответственный индивид, гражданин.

Периферия. Третий уровень идентификационной матрицы можно назвать *идеологической идентичностью* в сфере национальных отношений. Вектор национальной идеологии направлен как бы «*вовне*», к *миру*, к другим народам и государствам (связка *Мы-Они*) в отличие от двух первых уровней, которые обращены «*вовнутрь*»: этнокультурный – на групповую консолидацию (*Мы*); государственно-политический («гражданский») на личностное самоопределение (*Я*). В свете современных подходов [10] всякая идеология – система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу с позиции их *интересов и целей*, направленных на *закрепление или изменение (развитие)* данных общественных отношений. Что касается национальной идеологии, то она находит свое воплощение в различных формах *национализма и национальных идей*.

Понятие *национализма* и связанная с ним проблематика – еще один узел дискуссионных тем. В науке нет единого мнения о его исторической природе и политической сущности. Во-первых, из-за недостаточной проясненности понятия «нация», о чем уже говорилось, во-вторых, – потому что сам обсуждаемый феномен *многоаспектен* и может рассматриваться не только как идеология, но и как социально-психологическое явление, политическое движение, нравственный принцип, паттерн культуры и т.д. В отечественной литературе он обычно получает *негативную* оценку: это идеи, чувства, поведение и действия, направленные на «проповедь национальной исключительности и превосходства, разжигания национальной вражды, недоверия и конфликтов» [11]. Возможность эволюции идеологии национализма в таком направлении вполне реальна и подтверждается многими фактами. Но для

обозначения негативных проявлений национализма есть особые термины: «нациоцентризм», «ксенофобия», «шовинизм», «нацизм» и т.п. Что касается термина «национализм», то, по мнению зарубежных авторов, он может употребляться и в нейтральном смысле: как идеологический принцип, «требующий, чтобы политические и этнические единицы совпадали» [12]. Иначе говоря, это идеология моноэтнического государства-нации. В последние годы «нейтральные» трактовки понятия «национализм» начинают складываться и в российской политологии.

В частности, В.А. Тишков пишет: «Процесс воспроизводства и сохранения национальной идентичности в мировоззренческой сфере, а в политике – отстаивание национальных интересов страны и ее народа составляет во многом то, что принято называть национализмом в широком смысле слова» [13]. При этом автор склонен разделять и противопоставлять «гражданский» (государственно-политический) и «этнический» (культурный) типы национализма. Первый отстаивает единство общенациональных интересов, второй – интересы одного из этносов, входящих в полиэтничное государство, если требует образования собственной государственности на этнической основе [14]. Такое разведение особо актуально в полиэтничных государствах.

Думается, что В.А. Тишков прав, когда рассматривает национализм как «двуликого Януса», имеющего разные аспекты, политические основания, формы и следствия. Одно – исходить из принципа единства исторически сложившегося народа-нации: это залог стабильности и согласия в обществе, основа «крепости государства не в меньшей степени, чем Конституция, армия и охраняемые границы». И совсем другое – национализм этнических меньшинств, за которым, как правило, стоят политические амбиции элит, рвущихся к власти и «самостоятельному» распоряжению ресурсами. В то же время, хотелось бы возразить автору, когда он утверждает, что народ-нация – это только территориальное, но не культурное сообщество и что принцип национализма никакого отношения не имеет к «историческим корням» народа, а является не более чем политическим «дискурсом по поводу нации» [15]. Такая точка зрения вытекает из полного разведения и противопоставления двух уровней национальной идентичности: этнокультурного и государственно-политического.

Разумеется, между ними есть существенные различия, поскольку они связаны с разными историческими этапами становления народа-нации. Но при всей сложности процесса нациестроительства (или нациеформирования), нельзя не видеть и органической связи между указанными феноменами, о чём уже говорилось. На тесное переплетение этнокультурных и политических факторов в нациестроительстве указывают и многие западные исследователи [16]. Что касается полиэтничных государственных образований, то здесь не лишено теоретического смысла введение концепта «государствообразующий этнос» как некая несущая конструкция

сложного этнополитического образования, чей язык, культура и ментальность выполняют цементирующую роль в становлении полиэтничного государства-нации. Только при этом условии государство может самоопределяться в своих интересах и целях по отношению к *Другим* как некая целостность в единстве своего *прошлого, настоящего и будущего* и представляться как реальный исторический субъект, а личность – позиционировать свою идентичность в форме гражданственности и патриотизма.

Из сказанного следует также, что назрела потребность в особом понятии, которое могло бы выразить *взаимосвязь этнокультурной и гражданской идентичности*. В этом плане представляет интерес особая идеологема – «национальная идея», которая постепенно входит в концептуальный аппарат. Связанная с ней проблематика приобрела популярность в отечественной литературе в контексте переживаемого Россией кризиса идентичности. По преимуществу при этом обсуждается так называемая «русская идея», концепт, введенный отечественными мыслителями XIX в.: его расшифровка и современное содержание, особенно в связи с судьбой русской этничности в советский и постсоветский периоды. Что касается понятия «национальная идея» в широком смысле слова, т.е. как компонента проблематики национальной идентичности, то оно пока разработано слабо, хотя потребность в этом назрела, в том числе, и в зарубежных исследованиях [17].

Осмысляя проходящую дискуссию по указанной проблеме, хотелось бы высказать несколько соображений. Думается, что национальная идея – это *квинтэссенция национальной идеологии, в которой дается отрефлексированный образ нации, ее самопрезентация*, или, если следовать терминологии, принятой в теории личности, ее *Я концепция*. Согласно философско-психологическим подходам, *Я концепция личности* – это установление индивидуальной идентичности, результат «поиска себя в себе самом». Она включает, по крайней мере, три момента: 1) познавательное представление о себе как отдельном и целостном субъекте (внешность, физические и интеллектуальные способности, жизненный потенциал); 2) эмоциональное отношение к себе (переживание самоуважения или самоунижения); 3) оценочно-волевая интенция (стремление стать лучше, повысить свой статус или оставаться «в тени», на прежних позициях). Образ *Я* формируется в процессе общения с «другими» и может конкретизироваться, уточняться. У динамической личности в течение жизни сменяется ряд образов *Я*. Утрата идентичности, потеря контактов с собой приводит к личностному краху, психическому заболеванию [18].

Национальная идея – это *Я (Мы) концепция нации, в которой обобщены ее этнокультурный и социально-политический (гражданский) статусы на основе осмысления исторического прошлого, настоящего и будущего, в контексте понимания своего места в мировом цивилизационном процессе, собственных интересов, целей, проектов бытия*.

Немаловажную роль в национальном самоопределении («презентации») играет система координат *Запад-Восток, Север-Юг*, в которой отражены основные культурно-цивилизационные и социально-политические ценностные ориентации современного мира. Запад – носитель *инновационных либерально-постиндустриальных* ценностей и форм жизни; Восток – символ *традиционно-коллективистских* форм социальной организации и ценностной ориентации. Во второй антитезе «богатому» и эгоистическому Северу, «золотому миллиарду», чье благополучие выросло за счет политики колониализма и неоколониализма, противостоит «бедный» Юг, где зреют свои «гроздь гнева» и рождаются идеи «исламизации» мира и практика международного терроризма. Так или иначе, опираясь на указанные координаты, *Я (Мы) концепция нации* выявляет основное *противоречие* своего исторического развития, сублимирует современную *геополитическую и социокультурную* ситуацию нации-государства и осуществляет творческий *посыл в будущее*. Поэтому можно согласиться с С. Николаевым, что основное содержание национальной идеи «обретается в области целей» [19]. Однако здесь не просто обобщаются исторически сложившиеся противоречия и ценностные ориентации, но и осуществляется такая связь времен, которая направлена на консолидацию нации и ее мобилизацию для решения перспективных задач. Верно и то, что национальная идея «утверждается как ценностный идеал – образ должного в сущем» [20].

Разумеется, возникновение национальной идеи – показатель зрелости национального самосознания. Как правило, это связано с осмыслением исторических уроков прошлого. Идея искупления своей вины и приобщения к общечеловеческим ценностям позволила послевоенной Германии преодолеть нацистское прошлое и выйти в число лидеров в общеевропейской консолидации наций. Идея национального примирения участников гражданской войны в Испании дала ей возможность бесконфликтно перейти от фашистского режима к периоду постфранкистской демократии. Решительно поменяла свой национально-цивилизационный образ и Япония: от милитаристской страны, вдохновленной идеями мирового господства и национальной исключительности – к имиджу носительницы лучших черт Востока: «трудолюбия, сплоченности, сотрудничества, преданности» [21] как духовно-нравственных основ экономического и культурного подъема. При этом идентичность Японии, отмечает А. Бух, конструируется в соотношении с двумя *Другими*: с одной стороны, – с Европой и Россией, «северным соседом», с другой, – с исторически-традиционным Востоком. Япония осознает себя «Новым Востоком», который опирается не только на традицию, но и на современные западные ценности: принципы демократии, справедливости и др.

В каких *структурных моментах* выражает себя национальная идея? Пока это тоже прояснено слабо. Здесь, по-видимому, полезно соотнести две нацио-

нальные идеи: «русскую идею» и «американскую мечту». У них есть черты сходства не только в структурном плане, но и по существу: в недавнем прошлом это мировые державы, которые возглавляли две «системы» и были своего рода символами, с одной стороны, инновационно-либерального Запада (Севера), с другой – традиционно коллективистского Востока (Юга), ощущая друг в друге своего *Другого*. И, похоже, что ныне это противостояние вновь возрождается. Общее в них то, что каждая из идеологием проникнута верой в *мессианскую* природу своей страны, народа, а следовательно, в его особенную *судьбу* [22]. Причем эта мысль выражается в рационально-иррациональной форме социальных *мифов и архетипов*, как бы «прорастающих» сквозь национальную твердь и историю.

Но далее начинаются принципиальные различия, поскольку здесь представлены две *разные модели* социального жизнеустройства и политического бытия. «Американская мечта» питается верой в такой социальный порядок, который основан на *активно-деятельном индивиде*, «человеке, сделавшем самого себя» («self-made-man»). Мерило его жизненного успеха – материальные ценности: «дом, семья, машина». В основе этой программы жизни – *миф о свободной стране Америке*, где «каждый может стать миллионером». Проникнутая духом национального превосходства, эта социальная мифология рассматривает и весь мир как арену для собственной предпринимательской активности, где США должны осуществлять «освободительную миссию», вплоть до мер военного вмешательства [23].

«Русская идея» исходит из иных посылок. Она ориентируется на поиск конечного, *предельного, абсолютного совершенства* мира. Отсюда усилия индивида должны быть направлены не на личный эгоистический успех, а на обретение «*вселенской правды*» и на готовность идти на *жертвы*, мученический подвиг во имя совместного достижения *коллективного счастья*. Здесь носителем свободы и блага выступает *групповое начало, социум, целое*.

Американскому духу индивидуализма и прагматизма «русская идея» противопоставляет дух «соборности» и «общечеловеческого братства» во имя коллективного, «*вселенского*» *Спасения*. Эта идея питала страну и народ и в *древнерусский*, и в *имперский*, и в *советский* периоды отечественной истории, когда Русь (Россия, СССР), по сути, спасала Европу то от кочевых орд, то от наполеоновского, то от гитлеровского нашествия.

Разумеется, политический и культурный мессианизм – это черта зрелых, «*пассионарных*» национально-государственных образований, но именно в них наиболее отчетливо просматриваются основные системные компоненты национальной идеи.

- *Идея-образ страны (нации)* как результат философских, культурно-идеологических, геополитических обобщений: «Добрая старая Англия», «Прекрасная Франция», «Великая Россия» («Святая Русь»), «Страна Свободы», «Поднебесная», «Страна Восходящего Солнца» и т.п.

- Система мифов и архетипов, которая питает этот образ и выполняет смыслообразующую роль по отношению к аналогичным феноменам *Других*: мифы о невидимом Граде Китеже и Третьем Риме (Россия), миф об американском Граде на Холме, путеводной звезде, указывающей маршруты движения другим народам; миф о японской уникальности, который обозначается особым термином «*нихондзирон*»; архетипы «нестяжания», «общего дела», «умного делания», «соборности» и т.п. в русской православной культуре
- Материализация указанных мифологем идеологем в призывах, лозунгах, социальной символике, праздниках: «Правь, Британия, морями», «Свобода. Равенство. Братство», «Виват, Россия!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»; символика герба, знамени, памятных изображений, традиционных действий и т.д.
- Персонафикация духа нации в образах художественной литературы и искусства: четверка мушкетеров как символ Прекрасной Франции, неустрашимые ковбои, покорители Дикого Запада в голливудских лентах, герои пятилеток, ударники и стахановцы в советском искусстве и др.
- Символы, знаки, даты исторической памяти, определяющие повороты в судьбе народа, логику исторического движения, «путь» нации: эпохальные события, выдающиеся правители, общественные деятели (для России это Золотоордынское нашествие, Великая Победа над фашизмом и др.). Эти и подобные компоненты (архетипы, символы, образы, паттерны, фреймы) организуются в систему вокруг основного противоречия национального развития. Для России во внутреннем плане в этом качестве всегда выступала оппозиция «народ – власть», а во внешнеполитическом отношении – связка «Запад – Восток», чьей посредницей она неоднократно была на протяжении тысячелетней истории [24].

Итак, национальная идея не выдумка, которую кто-то может изобрести, а затем навязать сверху (или, наоборот, отбросить за ненадобностью). Она продукт духовной истории нации, воплощение ее культурно-генетического кода. Именно в форме национальной идеи в идентификационной матрице осуществляется синтез этнокультурной и социально-политической (гражданской) форм идентичности, а далее они через посредство национальной идеи оказывают влияние на жизнь граждан, формируя национальную солидарность и патриотизм. Но это одна сторона дела. Другая состоит в том, что обсуждаемый духовный феномен осуществляет выход данного народа, страны в мировое сообщество, к наднациональным образованиям и целостностям. В национальной идее мы не замкнуты в своем групповом Я: в этом ее отличие от национализма, который «редуцирует нации к этносу», к проблемам «крови и почвы» (расовым, геополитическим и т.п.) [25]. В национальной идее народ предлагает другим народам и государствам возможные модели жизнеустройства, имеющие значение и

в глобальном масштабе. Это способствует более успешной динамике и интеграции самого мирового сообщества. А в личностном плане – выполняет мировоззренческо-регулятивную роль: укрепляет в человеке чувство национального достоинства в дни побед, дает моральную защиту в години бедствий («Наши мертвые нас не оставят в беде» – В.Высоцкий). Прав М.П. Горшков, когда пишет: «Только при условии прочной национальной солидарности..., имея возможность отнести себя к какой-то системе, направляющей его жизнь и придающей ей смысл, человек не рискует остаться в одиночестве перед натиском бури глобализации» [26].

Литература:

1. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. - М., 1975. - С.95-96.
2. Бердяев Н.А. Русская идея и судьба России. - М., 1997. - С. 306-307.
3. Полянский В.С. Историческая память в этническом самосознании народов // СОЦИС. - 1999. - № 3.
4. Николаев В.Г. Концепции национального характера // Культурология. XX век. СПб. Т. 2. 1998; Русский менталитет. - М., 1997; Козловский В.В. Понятие ментальности в социологической перспективе. - СПб, 1997.
5. Сорокин П.А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. - М., 1990. - С. 463-489. Он же. О русской нации. Россия и Америка. Теория национального вопроса. - М., 1994.
6. Гачев Г.Д. Национальный Космо-Психо-Логос // Вопр. философии. - 1994. - №12.
7. Косов А.В. Ментальность как мировоззренческая система и компонент мифосознания // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3; Российская ментальность. Материалы Круглого Стола // Вопр. философии. - 1994. №1. - С. 30, 34, 36; Гуревич А.Я. Ментальность. - М.: Прогресс, 1989.
8. Рыбаков С.Е. Цит. соч. - С. 32-35.
9. Дахин А.В. Цит соч. - С. 14-15.
10. Идеология // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С.81-83; Чупина Г.А., Шерпаев В.И. Нужна ли России общенациональная идеология? // Известия Уральского гос. экон. ун-та. - 2008. №2/
11. Политология. Энциклопед. словарь. - М., 1993. - С. 195.
12. Геллнер Э. Нации и национализм. - М., 1991. - С. 5, 24.
13. Тишков В. Национальная идентичность (О смысле дебатов) // Вестник российской нации. - 2009. №1 (3);
14. Он же. Нация и национальная идентичность в России // Вестник российской нации. - 2008. №1. - С. 121-122.
15. Он же. Национализм в мировой истории. - С. 127, 137
16. Smith A. The Ethnic Origins of Nations. Blackwell: - Oxford, 1986.
17. Кошман А.А. Подходы к изучению национальной идеи в современной западной социологии // Вестник МГУ. Сер.13. Социология и политология. - 2002. №3; Бух А. Япония: национальная идентичность и внешняя политика: Россия как Другое Японии / Пер. с англ. М., 2012.
18. Петровский А.В. Быть личностью. - М., 1990. - С. 25-26; Чупина Г.А. Человек в мире смыслов. - С.187.
19. Николаев С. Как создается национальная идея // Свободная мысль. - 1997. № 7. - С.73.
20. Козин Н. Идентификационный кризис в России // Свободная мысль - XXI. - 2002. № 5. - С.57.
21. Бух А. Япония: национальная идентичность и внешняя

- политика: Россия как *Другое* Японии. М., 2012. С.39.
22. Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта // США, Канада: экономика, культура. - 2000. №12. - С. 32-40.
23. Голенпольский Т., Шестаков В. «Американская мечта» и американская действительность. - М., 1981; Баталов Э.Я. «Американская мечта» и внешняя политика США // Общественное сознание и внешняя политика США. М., 1987.
24. Подробнее см.: Чупина Г.А. Проблемы национально-культурного возрождения России на рубеже XX-XXI вв. // На пороге XXI века. Актуальные проблемы современной России. - Екатеринбург, 2012. - С. 147-173.
25. Межуев В.М. О национальной идее//Вопр. философии. - 1997. № 12.
26. Горшков М. Российская идентичность в контексте западноевропейской культуры//Власть. - 2013. №1. - С.10.

Рецензент: доктор юридических наук, профессор Джоробекова А.
